

Формирование основных подходов Российского государства к сохранению культурного наследия Церкви в контексте внутренней политики XVIII в.

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Автор анализирует причины возникновения интереса государства в XVII — XVIII вв. к культурному и историческому наследию России. Рассматривается формирование правовых и политических основ новой для данного периода правления культуроохранной деятельности. Автор показывает, каким образом политическая и символическая роль религиозных памятников старины оказалась в центре внимания государства и способствовала пониманию необходимости их сохранения. Выявляются основные направления государственной политики в исследуемой сфере.

Ключевые слова: государство; Церковь; культурное наследие; исторические ценности; культуроохранная деятельность.

До начала XVIII в. исторические свидетельства о деятельности Церкви, государства и русского народа в сфере охраны культурного наследия, как отмечает историк А. А. Формозов, «рассеяны по летописям и документам XI — XVI веков более или менее равномерно» [1, с. 11]. В них содержатся единичные документальные подтверждения того, что православные общины и города оберегали свои реликвии. В частности, в ризнице храма Святой Софии в Новгороде трепетно хранились мечи благоверных князей Довмонта и Всеволода.

Однако до XVII в. государственная власть не только не принимала на себя никаких обязательств в отношении церковных ценностей, но и проявляла действенное пренебрежение к ним. Документальные факты свидетельствуют о мародерстве и варварском отношении воевавших между собой князей к храмам и церквям. Так, в начале XIII в. дружина владимирского князя Всеволода Юрьевича сожгла Рязань и Белгород,

несмотря на мольбу рязанских послов о пощаде и выраженную ими готовность исполнить «всю волю» Всеволода [2, с. 77—78]. В Смутное время любая культуроохранная деятельность носила ситуативный, порой спонтанный характер и не могла быть достаточно последовательной и эффективной.

И лишь в XVII в. царь Федор Алексеевич издает указ о подаче государю описных дел и счетных списков, предписывающий составить и сдать ему описи до 1 января 1681 г. под угрозой «опалы от великого государя» [3]. В широком смысле данный нормативный акт предвосхищает реформы Петра I, нацеленные на построение «регулярного государства», немыслимого без административного порядка. В рамках такой политики сохранение историко-документальных письменных материалов не было первостепенной задачей.

Первый нормативный акт, нацеленный на сохранение предметов, имеющих историческую ценность, относится

к 13 февраля 1718 г. Указ предписывал тем, «кто найдет в земле, или в воде какая старья вещи <...> все, что зело старо и необыкновенно» [4, с. 542], приносить комендантам. В указе содержалось обещание награды «довольной дачей» [4]. Однако повеление часто игнорировалось как кладоискателями, так и воеводами, проявлявшими «страшное неповиновение <...> указам всемилостейшего монарха» [5, с. 46—47]. Поэтому данный нормативный акт в 1721 г. был дублирован сходным указом Сената [6].

Вместе с тем политическая компонента впервые отчетливо прослеживается в указе Сената от 20 декабря 1720 г. об изъятии во всех монастырях страны древних грамот, «куриозных писем», рукописных и печатных книг, имевших историческое значение [7]. Хранившиеся в храмах и монастырях исторические ценности, прежде всего древние летописи и другие рукописные документы, стали последовательно учитывать в России именно с 1720 г. Этот факт важно рассматривать в связи с задачей устройства новой российской государственности. В ее основу закладывалась не только система государственного администрирования по шведскому образцу, но и принципиально новая, имперская идейная база. Государство устанавливало контроль над частью имущества Церкви, помимо прочего, в целях его дальнейшего использования в построении абсолютной монархии европейского типа. Впервые в политической истории России требовалось изучить и идеологически оформить государственную историю. Впоследствии каждая смена политического режима в России сопровождалась «инвентаризацией» истории.

Показательно в этом отношении, что внимание государственной власти было обращено в первую очередь

на хранящиеся в монастырях и церквях исторически значимые документы. В соответствии с указом Сената 1720 г., монашеству и духовенству необходимо было «во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, осмотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также книги исторические рукописные и печатные» [7, с. 277]. Губернаторам, вице-губернаторам и воеводам предписывалось их собрать и прислать в Сенат [7]. 16 февраля 1722 г. в дополнение последовал царский именной указ «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод» [8].

Политические действия по оформлению государственной истории имели вектор направленности не только в прошлое, но и в будущее. В соответствии с задачей, не оформленной документально, однако осуществлявшейся в петровское время вполне последовательно, преемники государственного курса должны были унаследовать не только упорядоченное, исторически и идеологически весомое прошлое государства, но также государственные архивы, находящиеся в «добром» состоянии, которые в дальнейшем следовало использовать в «регулярном» государственном управлении. Соответственно, большое внимание уделялось административному делопроизводству и архивному делу. 21 января 1726 г. Сенат издал указ о порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве «в добром охранении и порядке». Архивариусам предписывалось столбцы переписать в тетради, а оригиналы «более никуда из Государственного архива не иметь, а содержать их для справок в сохранном сухом месте» [9, с. 562].

Таким образом, инициатива государства по установлению учета и контроля над церковными книгами, документами и иными ценностями может и должна рассматриваться в контексте всей государственной политики Петра I. Одно из приоритетных направлений его политики — «преобразование строя» церковной жизни, в результате которого институт Церкви занял особое, определенное государем место в политической системе новой России.

Достижение этой цели сопряжено с решением нескольких взаимосвязанных задач: во-первых, необходимо было «освободить духовенство от крайнего увлечения экономической стороной и обратить его к его прямым, духовным делам; во-вторых, восстановить церковную дисциплину; в-третьих, поднять церковное просвещение» [10, с. 20]. Причина их постановки — накопившиеся проблемы в церковном управлении и в сфере взаимоотношений церкви и государства.

Рассмотрим, каким образом в политической практике, прагматично ориентированной на решение означенных задач, закладывались основы будущей государственной политики по охране культурного наследия России.

Преодоление сребролюбия духовенства и возвращение его к пастырскому служению. Указы Петра I и Сената по учету и изъятию части церковных ценностей были нацелены в первую очередь на установление государственного контроля над церковным имуществом. Современники реформ отмечали: «Преобразования начались со стороны имущественной, экономической, а затем охватили и всю церковную жизнь» [10, с. 21].

Государственная имущественная политика носила исключительно прагматичный характер, поскольку в первые

годы царствования Петра I государство нуждалось в деньгах для ведения войн и осуществления намеченных преобразований. Следует признать: «Чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных и с раскольников» [10, с. 55]. У монастырей и архиерейских домов «...кроме собственно земельных вотчин, взяты были разные угодья, рыбные ловли, звериные промыслы, мельницы, кабацкие и таможенные сборы, свободные запасы хлеба, денег и меди, старые деньги, серебряная посуда, свечные деньги, привесы у икон, церковные здания» [11, т. 1, с. 272]. Таким образом, установление контроля над частью церковного имущества осуществлялось с целью пополнить казну: «...взять от церковного имущества в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» [10, с. 48].

Вместе с тем откровенные и многочисленные злоупотребления в управлении церковным имуществом создавали веские основания для вмешательства государства в эту сферу. Памятный в истории петровского времени «прибыльщик» Курбатов, имевший специальное поручение «изыскивать прибыли для государевой казны», писал Петру I о патриаршем правлении: «...покойному патриарху <...> трудно было за всем смотреть <...> в духовном управлении явились “от многих поползновения”, в управлении патриаршими доходами во всем видится слабо и несправно» [10, с. 26], и поступающие большие доходы погибают «в прихотях владельцев», а единственная в Москве духовная школа «в полном упадке» [10, с. 26]. Под предлогом того, что «монастырское

достояние, достигшее в течение веков огромной ценности, уплывало без надлежащей пользы для церкви» [12, с. 21], государство последовательно устанавливало над ним контроль в целях дальнейшего использования этого ресурса при проведении внутренней и внешней политики. Поводом для вмешательства служило и состояние института Церкви, неспособного охранять свои реликвии. Храмовые здания ветшали, не ремонтировались, церкви уничтожались или стихийно перестраивались. Фрески и иконы «записывались», подвергаясь тем самым безжалостному уничтожению. Ссылаясь на недопустимость такого положения, 11 мая 1722 г. Петр I издал указ, в котором содержалось строгое назидание духовенству: в городах «каменные церкви старые починивать <...> и вновь строить позволить, токмо по рассмотрению Святейшего Синода» [13, с. 334].

Сохранились свидетельства о святотатстве, фактах посягательства на церковные реликвии. Так, в Москве в 1720 г. плотник-изувер ударил дубиной в образ Богоматери [14, с. 108]; в 1708 г. вор пытался «обругать святой образ», стоявший на каменном мосту. В 1738 г. из Архангельского собора Московского Кремля украдены оклады и драгоценные камни с икон [15, с. 20]. Церковь не могла уберечь свои реликвии, что создавало повод для вмешательства государства.

Отсутствие центрального управления в церковных делах (характерно для досинодального периода) вынуждало государство проявлять инициативу даже в заботе о соблюдении «благолепия и чести» в изографии. В 1707 г. издан указ, предписывающий митрополиту Стефану принять «управление и повелительство» производством икон, а художнику-архитектору Зарудному, служившему в Оружейной

палате, надзирать за иконописцами «в искусстве художества». Богомазы (изуграфы) должны были писать «благолепно и удобно по древним свидетельствам подлинникам и образцам», а также сами «быть жизни честной, не пьяницами» (приводится по: [10, с. 45—46]). Государство проявило заботу о сохранении церковной художественной традиции, а также о соблюдении норм и технологий церковной живописи. Зарудный, получивший ранг «супер-интендента», был поставлен во главе Палаты изуграфств исправления. Зарудный подчинился митрополиту Стефану.

Иконописцем мог стать только мужчина, прошедший обучение у мастера, выдержавший экзамен и получивший диплом «свидетельствованного мастера». Уплатив пошлину (1 рубль; 75 копеек или 50 копеек — в зависимости от степени диплома), художник получал должность правительственного изуграфа и право на оклад, назначенный для усовершенствования и прилежания в государевых делах [10, с. 46]. Изуграфы пересматривали все имевшиеся в продаже иконы, ставили на них клейма иконописца. В церкви дозволено было принимать только иконы с клеймами и подписью.

Исторические предпосылки восстановления церковной дисциплины. Церковная дисциплина нарушалась пьянством и мздоимством. Историк С. Соловьев пишет: «Игумены, черные и белые попы и дьяконы хмельным питьем до пьянства упиваются <...> Виноватым наказанья были жестокие <...> сажали на цепи, дня по три есть не давали <...> какого-то Петрушу Кириллова сам архиерей на молебне в соборной церкви зашиб до крови; попов бил плетьюми нагих <...> никоего же оправдания <...> безмерного мздоимания и неправды» [16,

с. 113—119]. Духовенство было замечено в нелояльности к царской власти: «Среди архиереев попадались такие, которые “ревновали о вельми жестокой славе”, давая предлог упоминать о стремлении их к чести, “равной царской”» [10, с. 5]. Кроме того, протесты против петровских реформ, самые ожесточенные, «когда Петра изображали антихристом, а его время — последними днями пред кончиною мира, возникали на почве церковной жизни, и если не всегда исходили от лиц духовной иерархии, то развивались, несомненно, при их значительной поддержке» [10, с. 21].

Митрополит Стефан — Местоблюститель Патриаршего престола — открыто противопоставлял интересы Церкви интересам и задачам государства, пытаясь проводить собственную внутреннюю политику, и умышленно противоборствовал некоторым решениям монарха. Так, в 1718 г. вышло распоряжение набрать в адмиралтейские плотники из детей церковников 500 человек, по возможности грамотных, и Стефану «отписано было для ведома, чтобы по всей Московской губернии до окончания этого набора не посвящал никого в духовный чин» [10, с. 83]. Стефан начертал на извещении: «...буди указ великого Государя непременно о том, что из церковников избирать в плотники, а что не посвящать в попы, идеже самая нужда требует, сему делу несть должно быти» (приводится по: [17, с. 52]).

Следовательно, «восстановление церковной дисциплины» имело самый широкий смысл — это восстановление отношений власти, подчинения между государством и Церковью (представителями государственной власти, с одной стороны, и духовенством — с другой). Распределение власти в имущественных отношениях было нацелено на решение и этой задачи.

Совершенствование церковного просвещения. Невежество духовенства носило подчас вопиющий характер: «В пастыри народа попадали <...> сельские невежды, из которых иные и скота пасти не умели <...> Монастырское ученье, оказавшее в древней Руси неоцененные услуги просвещению, и труд, возделывавший пустынные места <...> теперь в монастырях едва ли не отошли в область воспоминаний» [10, с. 6—7, 10]. Соответственно, изъятие церковных книг следует связывать и с реформированием системы государственного образования.

Новую роль института Православной церкви в имперской системе российской государственной власти и государственного управления в петровский период определило создание Святейшего Правительствующего Синода — духовной коллегии.

Прежде государством проводилась мощная экспансия в сферы, многие века находившиеся под управлением церкви. Решая задачи исторического масштаба, государство «вторгалось» на территорию монастырей и церквей, отбирало предметы древности. Исполнители государственной воли были наделены значительными полномочиями. Во исполнение указа от 16 февраля 1722 г. из Синода в монастырские архивы и библиотеки посылались нарочные, которые должны были выявить древние рукописи, церковные и гражданские летописи, степенные книги, хронографы, «забрать таковые» и направить их для переписи в Синод.

Осознание опасности утери предметов, имеющих имущественную, историческую или художественную ценность, послужило причиной назначения первых государственных экспертных советов (в соответствии с указом Петра I от 20 апреля 1722 г.). «Знающие люди»

осматривали «все старое и курьезное» и отсылали изъятые ценности в Сенат [18]. Ассессору следственной канцелярии Баскакову предписано было проверить даже патриаршую ризницу, князьям Одоевскому и Плещееву — освидетельствовать найденное. В результате в числе привесов к иконам была обнаружена монета, относившаяся к эпохе Киевской Руси.

От духовенства, монашества и института Церкви в целом требовалось не столько содействие, сколько сопротивление государственной политике. Государь и его идейные сподвижники понимали опасность противодействия монаршей воле со стороны церковных властей. Недоверие к иерархам Церкви косвенно подтверждается текстом указа Петра I от 16.02.1722 № 3908, в котором от духовенства требовалось не только содействие нарочным в выявлении древних рукописей, но и исполнение указа «без всякой утайки» [8].

Известно немало документальных свидетельств о чинимых государственным комиссиям препятствиях. Петр I «на каждом шагу имел бесчисленное множество случаев убеждаться в том, что <...> оппозиция против его действий в сфере церковной <...> может быть и гораздо более сильною, и гораздо более опасною» [19, с. 3], чем ожидалось.

Имело место и злоупотребление полномочиями, в том числе в среде духовенства. Так, по приказу Новгородского архиепископа Феодосия, были «многие святые иконы забраны и оклады ободраны, также древняя церковная серебряная посуда в слитки употреблены, колокола из многих церквей и монастырей ободраны и распроданы, из архиерейских шапок и омфоров жемчуг, камня и другие вещи отбираны» [15, с. 22]. Ответом на такое сопротивление государственной воле стал указ Синода

от 26 мая 1725 г., предписывавший представить в Синод ведомости о привесах, снятых с икон, а также о старинных «замечательных вещах». Кроме того, указ запрещал управителям монастырей снимать оклады с икон, а нарушителям предусматривал штрафные санкции [20].

Елизавета I и Анна Иоанновна проводили политику, преемственную реформам Петра I. По повелению Елизаветы I в московских соборах была произведена опись всей церковной утвари на основании сверки перечня наличных ценностей с описями, составленными в 1725 г. обер-прокурором Баскаковым. Описи Баскакова были использованы и в 1744 г. при освидетельствовании церковных ценностей по приказу Синода «в самой скорости сущей правдой». Каждый факт недостачи («ежели чего прежних церковных утварей налицо не явится») Синод предписывал «исследовать все совершенно» [21, с. 26].

Помимо преобразований в имущественном управлении, нововведения при Анне Иоанновне были нацелены на сбор «куриозных» предметов, «диво-винных вещей», имевших значительную материальную художественную ценность. Так, 4 августа 1732 г. Сенат издал указ «О присылке в Мастерскую палату из присутственных мест примечательных вещей» [22]. В 1736 г. императрица приказала передать в Оружейную палату богато украшенные ружья и конскую сбрую [23]. Такого рода вещи не представляли собой исторической ценности. Кроме того, в этот период еще не было методов и технологий дифференциации ценных предметов.

Показательно, что в категорию «важного курьеза достойных» были включены изделия, изготовленные собственноручно Петром I [24]. Впервые в истории

России культурное наследие рассматривается как инструмент оформления образа Петра I, образа системы императорской власти и лиц, ее воплотивших.

В послепетровское время в нормативном государственном волеизъявлении отражен интерес государства не только в сфере контроля имущества и идеологически значимых документов и предметов, но и в сохранении объектов, имеющих историческую и художественную ценность для народа и государства. Именной указ 1759 г. о необходимости устранения повреждений колокольни Ивана Великого повелевал колокольню «исправить по-прежнему, как поныне было», башни, стены и ворота Кремля «исправлять во всем тем же манером и так, как прежде было, без всякой отмены» [25].

В 1770 г. во исполнение императорской воли реставрационные работы в Благовещенском, Успенском и Архангельском соборах Кремля производились таким образом, чтобы «все <...> живописество написано было таким же искусством, как древнее, без отличия...» [26]. А в 1771 г. при планировании грандиозной перестройки Кремлевского дворца Екатерина II повелела не трогать церкви Благовещения и Петра Митрополита [27].

Однако обратим внимание на избирательное отношение государственной власти к объектам культурного наследия. Особой, высочайшей опеки удостоены храмы и ризницы Московского Кремля. В 1743 г. императрица Елизавета приказала Золотые ворота Киева не ломать, а, напротив, отремонтировать памятник [28, с. 14—16]. Не вызывает сомнений, что не столько художественная ценность Кремлевских соборов и их внутреннего убранства, сколько историко-символическое значение Кремля, а также храмов Киева в написании истории

Российского государства является главной причиной особого внимания к ним государственной власти. В отношении храмовых построек провинциальных городов 30 апреля 1759 г. был издан сенатский указ «О дозволении разбирать ветхие крепости и употребить кирпич на починку казенных церквей и богаделен». Согласно ему, башни крепостей, «кои починкою содержать не положено, и в ведомстве Канцелярии Главной Артиллерии и Фортификации не состоят», можно было при необходимости разбирать [29]. С одной стороны, это — движение назад по отношению к деятельности Петра I по починке и возведению старинных церквей (указ 1722 г.). С другой стороны, в данном указе открываются особенности культуроохранной политики государства: сохранение зданий церквей рассматривается как приоритетная задача по отношению к духовно и исторически не маркированным памятникам архитектуры.

Уже в XVIII в. забота о сохранности церковного имущества требовала от государства немалых вложений. Об этом явственно свидетельствуют исторические документы. В 1745 г., в период царствования Елизаветы, на предотвращение разрушения стен и башен Московского Кремля, Белого города и Китай-города выделено 175 007 руб. [30].

В период царствования Екатерины II член Синода епископ Самуил и президент Коллегии экономии П. В. Хитрово, исследуя состояние церковной утвари в московских соборах (с целью выявить богослужебные вещи, «требующие починки и вновь устроения»), докладывали на высочайшее имя: «...многие открылись в таком повреждении», что «на одну только починку повреждаемых от ветхости или другим каким случаем всяких церковных вещей» должна быть выделена сумма 11 142 руб.

45 коп. Составители доклада «дерзновенно» выразили пожелание, чтобы Коллегия экономии «на содержание ризницы и на прочие нужнейшие церковные починки» отпускала по 300 руб. ежегодно [31]. Екатерина II не выказала сомнений в отношении целесообразности выделения средств, повелев: «Быть по сему».

В XVIII в. складывается научный подход к охране культурных ценностей. Одно из первых проявлений интереса научной общественности к памятникам старины относится к 1759 г. Это организация Академией наук сбора исторических и географических сведений для «Атласа Российского». Данная деятельность, осуществлявшаяся по инициативе М. В. Ломоносова, графа К. Г. Разумовского и Я. Я. Штелина, подразумевала необходимость сотрудничества Академии со Святейшим Синодом. Синод должен был собрать сведения о монастырских и церковных зданиях и сооружениях и представить Академии «копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющихся Российской Истории» [32, с. 362]. Последняя формулировка целей работы — «сочинение российской истории» — представляется нам исключительно важной для понимания целей и задач всей последующей государственной политики в сфере охраны культурного наследия.

Сделаем вывод: основы государственной политики культурного наследия были заложены в XVIII в. Культурное наследие выступало как один из инструментов «сочинения российской истории» и государственностроения. Деятельность государства в данный исторический период проводилась по следующим направлениям: учет архивных дел, исторических документов, рукописей; сбор «куриозных» и особенно ценных

предметов; контроль за перестройкой и реставрацией архитектурных сооружений, имеющих историческую, символическую или художественную ценность. Вместе с тем нельзя не признать, что в XVIII в. «еще не сложилась система государственно-правовой охраны историко-культурного наследия России» [33, с. 65], поскольку правовая система нормативных актов, регулирующих эту сферу административным способом, еще не оформилась.

Литература

1. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 125 с.: ил.
2. *Филарет, (Гумилевский) (архиепископ Черниговский)*. История Русской Церкви. Период первый: Отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія монголовъ. М.: Въ тип. В. Готье, 1859. 308 с.
3. Указ именной, объявленный разным приказам памятьми «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 2. СПб., 1830. № 842.
4. Указ именной «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» от 13 февраля 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5. СПб., 1830. № 3159.
5. Музееведческая мысль в России XVIII — XX веков: сб. докум. и мат-лов. М.: Этерна, 2010. 958 с.: ил.
6. Сенатский указ «О покупке в Сибири куриозных вещей и о присылке оных в Берг и Мануфактур-коллегию» от 16 февраля 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. № 3738.
7. Сенатский указ вследствие именованного «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. № 3693.
8. Указ именной, объявленный, из Сената «О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод» от 16 февраля 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб., 1830. № 3908.

9. Сенатский указ «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном Архиве и о переписке столбцов Вотчинной Коллегии в тетради» от 21 января 1726 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. № 4823.

10. *Рункевич С. Г.* Учреждение и первоначальное устройство святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1725 гг.). СПб.: Тип. Лопухина, 1900. 429 с., [II]. (Исторія Русской Церкви подъ управленіемъ Святѣйшаго Синода; т. 1).

11. *Терновскій Ф.* Митрополит Стефан Яворскій. (Биографический очерк) // Труды Киевской духовной академии. 1864. Т. 1—2.

12. *Горчаков М.* Монастырский приказ (1649—1725 г.): Опыт историко-юридическаго изслѣдованія. СПб.: Въ тип. А. Траншеля, 1868. 451 с.

13. Указ [Петра I] № 662 «О разрѣшеніи починять и вновь строить каменные церкви, съ дозволенія Святѣйшаго Синода» от 11 мая 1722 г. // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. II. (1722). СПб.: Въ Синодальной типографіи, 1872. С. 334.

14. Сборник Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV. СПб.: Тип. Ф. Елеонскаго и К^о, 1884. XI, XLVIII, 560, [3] с. разд. паг.

15. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедухина, С. П. Масленицына, Л. В. Шестопалова и др. М.: Отечество, 1997. 396 с.

16. *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13—14. М.: Мысль, 1991. 701 с.

17. *Знаменскій П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад; Коло, 2001. 799 с.

18. Именной указъ [Петра I] № 552 о посылкѣ в монастыри знающихъ лицъ для разбора на иконахъ привѣсокъ, съ тѣмъ чтобы находящіяся въ числѣ ихъ хорошіе каменья, монеты и другія старыя вещи были представлены въ Святѣйшій Синодъ, от 20 апреля 1722 г. // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. II. (1722). СПб.: Въ Синодальной типографіи, 1872. С. 197—198.

19. *Кедров Н. И.* Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго. М.: Въ Университ. тип. (М. Катковъ), 1886. VI, 255 с.

20. Указ Св. Синода «О предоставленіи ведомостей о привесахъ, снятыхъ со святыхъ икон, и о старинныхъ замечательныхъ вещахъ,

доставленныхъ изъ епархій, монастырей и церквей, и о воспрещеніи впредь снимать со святыхъ икон и прочее церковное имущество» от 26 мая 1725 г. № 1555 // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедухина и др. М.: Отечество, 1997. С. 21—23.

21. Указ Св. Синода «Объ освидетельствованіи во всехъ московскихъ соборахъ церковной утвари по описнымъ книгамъ, составленнымъ в 1725 г. обер-прокуроромъ Св. Синода г. Баскаковымъ» от 31 августа 1730 г. № 2371 // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX вв.: сб. документов / В. С. Дедухина и др. М.: Отечество, 1997. С. 25—26.

22. Сенатский указ «О присылке в Мастерскую палату изъ присутственныхъ местъ примечательныхъ вещей» от 4 августа 1732 г. // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собр. 1-е. Т. 8. СПб., 1830. № 6144.

23. Указъ именной, данный обер-егермейстеру Вольнскому «Объ отдаче имеющихся в Москвѣ конскихъ богатыхъ уборовъ, для хранения, в Оружейную палату» от 8 апреля 1736 г. // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собр. 1-е. Т. 9. СПб., 1830. № 6935.

24. Определеніе Св. Синода «Объ описаніи креста и паникадила, собственноручной работы Петра I-го, поставленныхъ въ Петропавловскомъ соборѣ, а также прочихъ вещей, которые будутъ пожалованы въ этотъ соборъ императрицей, и об отдачѣ ихъ подъ особое храненіе соборному протопопу съ братіей» от 11 июля 1733 г. // Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. VIII (1733—1734 гг.). СПб.: Синодальн. тип., 1898. № 2276.

25. Указъ именной, объявленный Сенату генерал-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ «Объ исправленіи городскихъ стенъ в Москвѣ, воротъ, башенъ и Ивановской колокольни безъ всякой отмены противу старой фасады» от 24 мая 1759 г. // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собр. 1-е. Т. 15. СПб., 1830. № 10.958.

26. Указъ Екатерины II члену Св. Синода московскому архиепископу Амвросію «Объ исправленіи иконнаго и стеноваго письма в Кремлевскихъ соборахъ» от 30 июня 1770 г. // Описание документовъ и делъ, хранящихся в архивѣ Святѣйшаго правительственнаго Синода. Т. 50. Петроградъ, 1914. С. 543.

27. Указъ именной, данный Экспедиціи строенія Кремлевскаго дворца «О перестройкѣ Кремлевскаго дворца и некоторыхъ другихъ в окружности его зданій» от 15 марта 1771 г. // Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собр. 1-е. Т. 19. СПб., 1830. № 13.581.

28. **Комарова И. И.** Законодательство по охране памятников культуры. Историко-правовой аспект. М.: Стройиздат, 1989. 56 с.

29. Сенатский указ «О дозволеніи разбирать ветхія крепости и употреблять кирпич на починку казенныхъ церквей и богаделен» от 30 апреля 1759 г. // Полное собрание законов Российской имперіи. Собр. 1-е. Т. 15. СПб., 1830. № 10.949.

30. Сенатский указ «О исправленіи в городахъ казенныхъ зданій без отлагательства, коль скоро замечена будетъ ветхость» от 24 июня 1745 г. // Полное собрание законов Российской имперіи. Собр. 1-е. Т. 12. СПб., 1830. № 9180.

31. Определеніе Св. Синода «О порядкѣ храненія въ ризницахъ редкихъ церковныхъ вещей» от 28 октября 1775 г. // Полное собрание

постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. II (1773—1784). Петроградъ, 1915. № 810.

32. Синодский указ «О присылке планов в Синод на монастырскіе и церковные зданія» от 19 июля 1759 г. // Полное собрание законов Российской имперіи. Собр. 1-е. Т. 15. СПб., 1830. № 10.975.

33. **Михайлова Н. В.** Государственно-правовая охрана культурнаго наследія Россіи во второй половинѣ XX века. М.: ЮНИТИ, 2001. 280 с.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политическихъ наук, профессор кафедры философіи, социологии и политологии (ФСЦП) МИЭТ.

E-mail: rast-v2012@yandex.ru